

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

ФЕРЕНЦ ШАНТА

Ференц Шанта

Пятая печать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70104337

Пятая печать: Сундбад; Москва; 2023

ISBN 978-5-00131-547-6

Аннотация

1944 год, Будапешт. Осенним вечером в небольшом трактире четыре старых приятеля – часовщик, книготорговец, столяр и хозяин заведения – проводят время за графином домашнего вина и разговорами о житейских пустяках. За стенами трактира – комендантский час и разгул нилашистского террора, внутри – островок стабильности и спокойствия. Приятели утешают себя тем, что, как люди маленькие, повлиять все равно ни на что не могут. Зато и упрекнуть себя им не в чем, их совесть чиста.

...Всего через сутки все четверо окажутся перед самым трудным выбором из возможных – когда сохранить человеческое достоинство можно будет только ценой жизни.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

5
75

Ференц Шанта

Пятая печать

*Ибо, проходя и осматривая ваши святъни,
я нашел и жертвенник, на котором написано:
«неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная,
читите, я проповедую вам.*

Речь апостола Павла в афинском Ареопаге. Деян. 17:23

Sánta Ferenc
AZ ÖTÖDIK PECSÉT

© Ferenc Sánta, 1963

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-
ческая фирма «Корпус Права»*

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2023

1

Холод стоял собачий и – что редко бывает – сопровождался густым, почти непроглядным туманом. Зато в трактире было жарко, и хозяин пребывал в добром расположении духа.

– Следующая бутылочка, господа, за счет заведения, – объявил он, поднявшись из-за стола во весь свой огромный рост.

– Мы не прочь, сделайте одолжение, – откликнулся круглоголовый агент по продаже книг, господин Швунг¹, как прозвали его в округе. И прозвали не почему-либо, а по той причине, что был он на удивление легок на ногу и заворачивал за угол всегда так стремительно, что не приведи господь оказаться у него на пути. – Это мы с удовольствием, – сказал он и, вытащив из кармана носовой платок, отер взмокший лоб.

– Да вы бы сняли пальто, – взглянул на него столяр, человек необычайно высокий, которому иногда даже говорили: «Вам бы в маляры податься! Не трудно вам при таком росте над верстаком горбатиться?» На что тот обычно отвечал, мол, матушка запродала его в это ремесло за шестьдесят крон, а иначе осталась бы без приданого, куда ему было деваться! Таков был ответ столяра, и никто никогда так и не

¹ В разговорном венг.: размах, лихость (от нем. *Schwung*). – Здесь и далее – прим. пер.

узнал, о каких шестидесяти кронах и о каком приданом шла речь.

– И то верно, – поднялся книжный агент. – Я даже шарфа не снял!

– Не иначе, домой торопитесь, – заметил Миклош Дюрица, часовых дел мастер, который четыре года назад овдовел и с тех пор, окруженный всеобщим почтением, один воспитывал троих детей. Тем не менее ходил слухи, будто Дюрица этот не одну девичью голову заморочил. Крутил шашни, как выражался трактирщик, с девчонками волнуяще юного возраста, причем, добавлял столяр, когда заходила об этом речь, поступал с ними самым подлым образом, как сущий растлитель. Хотя, разумеется, никто представления не имел, что в действительности происходит в крохотной мастерской под теньканье и бой часов.

– Телячьей грудинки достал, вот и спешу домой, – объяснил книготорговец Швунг. – Хотелось бы еще сегодня полакомиться телятинкой...

– И тогда вы наверняка не умрете? – откинувшись на стуле и позвякивая в руке цепочкой брегета, спросил часовых дел мастер.

– Что-что?

– Я спрашиваю: вы тогда не умрете?

– Когда?

– Если еще сегодня налопаются грудинки?

Столяр поднял руку:

– Ну а ежели и помрет? Придет час – все там будем...

– Опять вас на философию потянуло, как я погляжу, – заметил книготорговец часовщику. – Никак учинили сегодня очередное свинство?

– Всякий чинит, что умеет.

– Это уж верно, – подхватил трактирщик, водружая бутылку на стол. – Каждому свое. Одному телятинки на ужин подай, а другому, охальнику, цыпочку посвежее. Впрочем, я полагаю, в наше время и телячью грудинку честным путем не достанешь.

– Честным, бесчестным... поди, вы и сами не отказались бы, если б могли достать, – сказал книжный агент, вешая пальто и шарф на вешалку.

– Да кто же откажется? Какой разговор? Пусть первым бросит в вас камень тот...

– На вашем месте, – сказал Дюрица, часовых дел мастер, – я непременно полюбопытствовал бы, прежде чем это есть: а что за мясо такое?

– Так грудинка, – сказал столяр.

– А какая грудинка? – спросил часовщик.

– Я только что во всеуслышание объявил: грудинка телячья, – ответил книжный агент. – Или вам заложило уши?

Часовщик вскинул брови:

– Вы уверены, что это телятина, а, положим... не человечина?

– Что за гнусности вы несете, – возмутился хозяин трак-

тира. – Приберегите для дома свои извращения.

Столяр поднял бутылку.

– Эх-ма! – воскликнул он изумленно. – Давненько такого не пробовал.

– Вам лишь бы аппетит человеку испортить, – сказал книжный агент. – Я за эту грудинку Цуцора-Фогараши отдал...

– Для меня это пустой звук, представления не имею, что это такое.

– Хотя если рассудить, – покачал головой трактирщик, – в этом мире возможно все. Уж если, вон, из людей мыло варят, то могут и нам что угодно скормить...

Швунг, прищурившись на один глаз, глянул на трактирщика:

– Вы бы думали, прежде чем говорить. До ваших суждений мне дела нет, но все же лучше их при себе держать.

– Да полно вам, нашли на что время тратить, – потянулся к стакану столяр. – Выпьем, коль угощают. Прозит!

Все подняли стаканы.

И за исключением трактирщика до дна осушили их.

– Так как вы сказали? – спросил трактирщик. – Какую книгу отдали за это мясо?

– Большой словарь Цуцора-Фогараши...

– Что за штука такая?

– Надо думать, какой-нибудь лексикон, – сказал часовщик, – который слова содержит...

– Ну, раз словарь, то понятно, что он слова содержит, господин разумник, – сказал столяр. – Только не все равно, что это за слова. Не так ли?

– Слова в нем венгерские, – ответил книжный агент, почувствовавший себя в родной стихии, как только заговорили о книгах. И уперся локтями в стол, приготовившись к пространным объяснениям. Но тут в поле его зрения попали рыжие патлы часовщика; он быстро отвел взгляд, и в глаза ему бросился большой шишковатый нос столяра. Швунг махнул рукой и сказал только:

– Да разные в нем слова.

И уже отвернулся к хозяину заведения:

– Бела, дружище, у вас замечательное вино, как вам удалось его раздобыть?

– Хороший трактирщик – он завсегда добудет, на то и трактирщик, – сказал часовщик.

– Ну знаете, за такие слова не стоило бы вас этим вином угощать, – ответил хозяин трактира, «дружище Бела». Так фамильярно к нему стали обращаться еще при старом владельце, когда он был здесь простым – хотя всеми любимым и уважаемым – буфетчиком. После кончины хозяина Бела женился на его вдове. Муж из него получился примерный, окрестные обыватели относились к нему уважительно, однако по старой памяти обращались к нему просто по имени, добавляя словечко «дружище», чтобы и голову не ломать, и приличия соблюсти. – Да вы представления не имеете, чего

это стоит, чтобы такое вино оказалось в вашем стакане, на какие я должен идти ухищрения!

Компания дружно с ним согласилась.

– Да это ведь просто шутка, дружище Бела, – сказал столяр. – Разве не может ваш завсегдатай позволить себе пошутить...

После чего повернулся к часовщику:

– А вы могли бы подумать, прежде чем так шутить.

– Ну мог бы, и что с того? Разве вы с вашим подзащитным в этом случае не умрете?

Книжный агент скривил губы.

– Оставьте его, господин Ковач... – обратился он к столяру, – ему уже не поможешь.

– Вам тоже, я полагаю, – сказал часовщик.

– Мне тоже! Уж если вы непременно хотите знать, то заявляю вам, чтобы поставить точку: я тоже однажды умру!

– Как это мило, что заявляете... – кивнул Дюрица.

– Да, заявляю. Вы довольны?

– Если вам так угодно, доволен. Кстати, никогда не следует горячиться, это вредит здоровью.

Хозяин трактира, взяв бутылку, продемонстрировал ее компании:

– Я вам так скажу... Вы можете обойти всю округу, и нигде не найдете ничего подобного! Какой трактирщик станет здоровье свое подрывать, чтобы добыть для своих гостей такое вино?!

– Истинная правда! – воскликнул столяр. – Хотел бы я посмотреть на другого такого трактирщика.

– Тут и спорить не о чем, – устроился поудобнее книжный агент. – То же самое я мог бы сказать и о книгах. Иной раз ноги себе до колен сотрешь, чтобы потрафить кому-нибудь из старых клиентов. А доброе вино в наши дни достать потруднее будет, чем книгу! Речь, конечно, о ценной книге – не о слащавой пошлятине или каком-нибудь непотребстве...

Столяр, облокотившись на стол, подался вперед:

– А скажите мне, сударь... только не обессудьте за откровенность, но вы ведь мою натуру знаете, я ни чужих, ни своих недостатков скрывать не стану... Вы вот все о книгах толкуете, это ясно, такое у вас занятие, а только объясните мне, что люди находят в них, в книгах этих?

– Образованный человек таких вопросов не задавал бы, – вмешался трактирщик, сочувственно посмотрев на книго-торговца.

– Ну так я, – возразил столяр, – и не числю себя образованным. Я – честный мастеровой и достойный отец семейства.

Швунг взглянул на мясистый нос столяра, отхлебнул из стакана и наконец произнес:

– Слишком долго было бы объяснять это вам, господин Ковач.

– Вы считаете, я такой тупица, что не пойму ваших объяснений?

Часовщик усмехнулся:

– Ну, это как объяснять.

– А вас, – вскипел книжный агент, – тут никто не спрашивал! Но раз уж так хочется поучаствовать, ответьте мне на такой вопрос. Сколько лет вы чините для моей семьи часы?

– Какое отношение это имеет к вашим книгам и к чтению...

– А такое: за эти годы вы могли убедиться – когда в доме ломаются часы, я не пытаюсь в них ковыряться, а отдаю их в починку вам. И пальцем не прикасаюсь к часам, потому что не смыслю в них ни бельмеса.

– Не смейте, это факт, – сказал часовщик, следя за кружившей над столом мухой.

– Так и я говорю, – согласился книжный агент. – А коли не смыслю, то и не лезу в ваши дела. Помолчите и вы, когда речь заходит о книгах. Или спрашивайте, если что непонятно. Я с удовольствием объясню...

– Если сумеете, – продолжал Дюрица следить за мухой.

– А не сумею – то посоветую вам обратиться к кому-нибудь из более умных моих друзей, так как сам я ответа не знаю.

– Вот видите! С этого и следовало начинать, – опустил часовщик взгляд на стол, а затем пристально посмотрел на Швунга: – С того, что сами ни бельмеса в этом не смыслите.

Трактирщик наполнил стаканы.

– Да он вас подначивает, а вы поддаетесь, господин Кирай, – обратился он к книготорговцу, в который уж раз едва не назвав его Швунгом. – Не обращайтесь вы на него внимания. Сами знаете – не стоит вступать с ним в полемику. А что до книг, то, по совести говоря, я и сам иногда задумывался. на кой ляд эта прорва бумаги? Кого-нибудь они осчастливили? Лучше станет вам от того, что на них потратитесь? В общем, в моей голове это не укладывается, хотя должен признаться, что в школе я всегда был отличником и даже стихи иногда декламировал пятнадцатого марта...

– А шестого октября² не декламировали? – спросил часовщик, вновь заметивший на потолке осеннюю муху.

– Нет...

– Тоже ведь подходящий случай.

– Вы и сами не связываетесь с ним, – сказал книжный агент. – Он вас перебивает, а вы не обращайте внимания, он умолкнет, только когда его черт заберет...

Швунг поднял стакан, приглашая присутствующих выпить – в том числе, разумеется, и часовщика Дюрицу.

– Ну, будем...

Все выпили, после чего Швунг повернулся к столяру:

– Так вы спрашивали, что люди находят в книгах, не так ли?

² 15 марта – отмечаемый в Венгрии День революции 1848 г.; 6 октября – траурная дата, день памяти 13 генералов революционной армии, казненных в 1849 г. австрийскими властями.

– Именно так, слово в слово, – ответил Ковач. – Потому как ежели, положим, человек на еду деньги тратит, то это понятно, он с того наглядную пользу имеет, толстеет, к примеру сказать, восстанавливает свои силы или поправляет здоровье. А что сказать, когда у человека и одежды приличной нет, а он на такие вещи тратится?

– Но послушайте, Ковач... как раз их-то и следует уважать! – воздел палец книжный агент.

– Уж простите, но я таких редкостных чудаков уважать не могу.

– Вот те на! Ну кто бы мог подумать?! – воскликнул часовщик Дюрица.

– Может быть, вы и правы, Ковач. Но это если смотреть с вашей колокольни, – ответил книжный агент. – Однако будь вы на моем месте и суди вы с моей точки зрения, то с уверенностью могли бы сказать, как это делаю я, что именно за это можно уважать очень многих наших ближних.

– Вы знаете, в чем правда, господин Кирай? – заговорил трактирщик. – Сколько я ни видал людей, которые день-деньской корпели над книгой, все они умирали раньше других. От чахотки, от позвоночника, так ли, этак ли – все отбрасывали коньки прежде остальных. Но ежели это так – а это именно так, я по опыту знаю, – то на кой ляд мне эти книги? Разве я неправ?

И он повернулся к Дюрице в ожидании неопровержимого одобрения.

– Позвоночнику от этого ничего не сделается, – сказал тот.

– Как не сделается, если сидеть над книгой согнувшись в три погибели?!

Кирай, книжный агент, тронул Белу за локоть:

– Речь совсем не о позвоночнике, дружище Бела! Речь о той возвышенной радости, которую доставляет чтение человеку, его страждущей чуткой натуре, его духу, алчущему культуры и знаний. Чтение – это радость, отдохновение для души, пожелавшей освободиться от мерзости окружающей жизни. Не хочу приводить других примеров, а скажу, если позволите, только о себе. Когда вечером я беру в руки произведение какого-нибудь почтенного и ценимого всеми автора, то чувствую себя так, будто принимаю ванну или стою под приятным душем, где вместо капель воды меня бесконечным потоком орошают слова, падая прямо в сердце и отмывая его от налипшей грязи. И в такие минуты возникает ощущение райского блаженства – как в те времена, когда человек, как мы знаем, еще не ведал зла и душа его была, так сказать, неотъемлема от вселенной. Вот, к примеру сказать, читаете вы о том, как над шелковистым покровом цветущей лужайки грациозно порхают бабочки и на крыльях их беззаботно играет солнечный луч; а поодаль, допустим, с тихим плеском бежит, спотыкаясь о серебристую гальку, ручей, в синем небе, оглашая окрестности своим пением, летают птицы, а в тенистой прохладе леса резвятся косули; и вся эта природа так хороша, так свеж и чист воздух, не то что здесь, сре-

ди камня и заводских труб, – словом, в такие минуты глаза ваши закрываются, вы чувствуете себя уже там, на лужайке, и вся эта благодать творится непосредственно вокруг вас... Это, если угодно, и есть то самое блаженство, о котором я говорил...

На какое-то время Кирай умолк, выживая из внутренне-го кармана носовой платок.

А столяр заметил:

– Взять меня, я и так детишек, случается, за город вывожу. Еще бы трамваи по воскресеньям не были так забиты...

– Потому и забиты, – сказал трактирщик, – что все рвутся в конце недели. В воскресенье или в субботу.

– А когда еще я могу выбраться? Я тоже могу только в выходной их вывезти... Вот если бы власти побольше пеклись о транспорте, не приходилось бы никому в такой давке ездить.

– Но все же напомним, – продолжил трактирщик, – что во времена моей молодости трамвай туда вообще не ходил, если вы тоже имеете в виду Хювёшвёльд. Конечная остановка была в Буде на Сенной.

– Собственно, было бы хорошо, чтоб у каждого в горах был участочек. Разумеется, там, где уже и коммуникации есть.

– Да, иначе и смысла никакого, – согласился трактирщик.

Дюрица, часовщик, тронул Кирая за плечо:

– А вот если, допустим, вы съедите на ужин телячью грудинку, вам тоже привидятся эти бабочки и послышится звон

ручейка?

– Да, представьте себе! А что?

– Ничего... Что до ванны и душа, вам это не помешало бы... Однако я не пойму: если вам так дороги подобные вещи, почему бы не обменять эту вашу грудинку прямо на бабочек с ручейками, вы ведь добыли ее в обмен на книгу.

– Эх, не послушали вы моего совета, – склонился столяр к хозяину трактира, – не купили участок тот, в Лёринце. А там уже целый город вырос. Природа окрест замечательная! К тому же Лёринц лежит на одной высоте с горой Геллерт.

– Теперь уж поздно, – ответил трактирщик. – Займемся этим после войны.

– Когда? – повернулся к нему Дюрица. – Когда вы этим займетесь, милейший?

– После войны. Чему вы так удивились?

– Да ничему! У вас замечательное чувство юмора.

– Ну если не после, тогда во время, – сказал столяр.

– Городите тут ахинею, – сказал Дюрица. – Радуйтесь, что еще шкура цела. – И он повернулся к Кираю:

– Так вы говорите, все эти бабочки-ручейки непременно явятся вам и после грудинки?

Тот посмотрел на часовщика:

– Нет, вы слышали? Слышали, как я пытался им объяснить, сколь возвышенным и прекрасным занятием является чтение? И о чем же они теперь говорят?

– Ну и что?.. Уж не думаете ли вы прочесть нам на эту

тему целую лекцию? Рассказали бы лучше, как собираетесь готовить дома грудинку.

– А... Телячью грудинку... – поднял голову хозяин трактира. – Послушайте-ка меня. Моя жена обычно делает так...

Он поднял стакан, чтобы отхлебнуть вина, прежде чем углубиться в подробности приготовления грудинки, но Дюрица перебил его:

– Позвольте, а чья грудинка – ваша или господина Кирая?

– Господина Кирая, разумеется.

– Тогда будьте любезны – пусть господин Кирай сам и расскажет!

– Пусть рассказывает, могу и помолчать, – с обиженным видом откинулся на спинку стула трактирщик.

– Ну то-то!

Кирай, книжный агент по прозвищу Швунг, смахнул в пригоршню крошки со скатерти.

– Ну, если настаиваете, с удовольствием расскажу, как обычно готовлю я. Только это не означает, что жена нашего друга Белы, которую я искренне уважаю как замечательную хозяйку, не готовит грудинку лучше и гораздо вкусней моего. Ну так вот, все начинается со шпиговки. От нее все зависит!

– Это верно, – хлопнул по столу Ковач и, ища согласия, обратил взгляд на трактирщика, но тот не отозвался.

– В грудинке бывают такие пленочки, соединительная ткань, или как там она называется... Мы ее аккуратненько

протыкаем, делаем прорези для начинки. . .

– Так, в точности так, – закивал столяр.

– Дело ведь не только в самой начинке, но в неменьшей степени в том, каким образом мы будем ее закладывать. А чем будем шпиговать? Жареным салом! Только обжариваем его не до хруста, а до прозрачного состояния. Так вот, этим салом мы грудиночку и шпигуем. Но это еще не все. Теперь следует заложить то, от чего грудинка приобретет изумительный вкус. Как вы думаете, что это? Ну конечно, не знаете! Я и сам научился этому у человека, чей родственник был поваром не у кого-нибудь, а у самих Эстерхази. Можете себе представить, какой кухней он там заведовал. . . В общем, не догадаетесь все равно: нужно сыром грудинку нашпиговать! Да, сыром, вы не ослышались. Нарезаете на ломтики, совсем небольшие, тоненькие, длиной в полпальца. Ну а дальше – аккуратно закладываем эти ломтики рядом с кусочками сала, предварительно слегка поперчив, это само собой. . . И что затем происходит с сыром? В этом весь секрет! Когда мясо уже в духовке, ломтики сыра начинают плавиться. Они плавятся, плаваются. . . Ведь вы запекаете мясо на медленном огне, следя за тем, чтобы температура была постоянная, и сыр продолжает плавиться; он плавится, плавится, и вот, господа, аромат и вкус сыра пропитывает уже все мясо. Весь кусок обволакивает изумительная сырная пленочка. . . Вот тогда самое время грудинку отведать!

Трактирщик встрепенулся:

– Посмотрел бы я на приготовленную по вашему рецепту грудинку!

– Посмотрели бы?

– Ну да, – сказал он и обратился к столяру. – Скажите, вы слышали, чтобы жаркое, в особенности из грудинки, готовили без чеснока? Ну, слышали или нет?

Швунг не дал столяру сказать:

– Ну, это само собой. Шпигую и чесноком, конечно! Это, простите, настолько естественно.

– Так слышали вы о таком? – не обращая внимания на слова Швунга, спросил у Ковача трактирщик. – Я молчу, вы сами скажите.

– Ну какое жаркое без чеснока, – ответил столяр.

– Не получится, ни за что, это уж будьте покойны! Вот моя жена делает так...

Дюрица облокотился о стол.

– Ну-ну, слушаем.

– Она делает так: покупает, значит, телячью грудинку. Не очень большой кусок, грамм на семьсот пятьдесят или на килограмм, ну, моет, само собой...

Трактирщик отставил стакан, положил оба локтя на стол и придвинулся к нему вместе со стулом.

– В двух водах моет, скажу я вам, потому как одной недостаточно. А потом берет молоко! Да, да, в молоке замачивает – но надолго не оставляет, ни в коем случае, а ровно настолько...

– ...чтобы мясо слегка им пропиталось, – одобрительно кивнул часовщик и искоса взглянул на притихшего Швунга.

– Вот-вот, чтоб чуток пропиталось! А затем приступает к разделке грудинки. Но как? Как надо ее разделявать, спрашиваю я? Разве вам, к примеру, все равно, как доску, которую взяли в работу, распиливать? С какого зайти конца, с какой стороны, в каком направлении ее пилить? – обратился он к столяру.

– Очень даже не все равно. Хорош бы я был, возмись я распиливать доску абы как, с бухты-барахты!

– Вот видите! Так и тут – тоже не все равно, с какого края резать грудинку.

Часовщик поднял стакан и ободряюще кивнул столяру.

– Я в вашем ремесле ни бельмеса не понимаю, – сказал он, – но вы совершенно правы. Нельзя быть настоящим столяром, если не знать того, о чем вы сейчас рассказывали.

– Я рассказывал? – наморщил лоб Ковач. – Я, простите, еще ничего не рассказывал! Возмись я вам рассказать обо всех тонкостях нашего дела, мы бы тут до скончания века сидели.

Часовщик с любопытством взглянул на Ковача:

– Наверно, безразлично и то, с каким деревом вы работаете?

– А то как же?! Конечно, безразлично! Да вы знаете, сколько пород древесины использует наш брат краснодеревщик? Вы и представить себе не можете!

Трактирщик, уже в третий раз пытавшийся вступить в разговор, воспользовался краткой паузой – пока столяр, встав, пододвигал стул поближе к столу, – и продолжил:

– Так вот, супруга моя режет грудинку, причем делает это так: положит ее на доску...

– Взять, к примеру, дуб, – воздел палец Ковач, – дерево твердое, не мочалится, опилки дает сухие, пилу принимает легко, я имею в виду, по сравнению с другими породами...

– Берет она доску, – повысил голос трактирщик, – укладывает на нее мясо...

– Ну, это по сравнению с другими, – продолжал столяр, – потому что бывают и более редкие материалы, которые так просто не обработаешь. Я имею в виду граб или ясень – о клене, эбеновом дереве и разговору нет, хотя ясень, как и тис, – древесина все же не самая плотная. Правда, с тисом, по совести говоря, я имел дело, только когда в учениках ходил, так что сказать о нем могу больше с чужих слов. Врать не буду, лучше начистоту, ведь так?

– Ну конечно! – сказал часовщик.

– Вот и я говорю, – включился опять трактирщик, – что вовсе не все равно, как человек обходится с мясом. Укладывает моя жена грудинку на доску, берет нож...

Но Дюрица прерывает его:

– Некрасиво, дружище Бела! Вы совсем забываете о приличиях! Если мне память не изменяет, рассказ о приготовлении грудинки начал господин Кирай. Проявите тактичность

и дайте ему досказать.

Книжный агент пристально посмотрел в глаза Дюрице.

– Разве я неправ? – спросил у него часовщик.

– Вам не стыдно? – тихо покачал головой Кирай. – Вы думаете, я не вижу, чем вы тут занимаетесь?

– Вы свихнулись, приятель?! – возмутился Дюрица и окинул глазами собравшихся: – Я беру его под защиту, а он отвечает мне в таком тоне... Что вы на это скажете?!

Трактирщик взял столяра за лацкан:

– Если дело имеешь с грудинкой, то нужно взрезать ее вдоль прожилок...

Столяр согласно кивнул и положил руку часовщику на плечо:

– Это вовсе не значит, – сказал он, – что в тисе я ничего не смыслю.

– Стыдно, право же стыдно, – не сводя газ с часовщика, продолжал упрекать его Кирай.

– Ну что вы пристали ко мне?

– Неужто вас, взрослого человека, тешат такие забавы?

Дюрица передернул плечами:

– Со свету сживете своими придирами.

В этот момент дверь распахнулась, и из тумана вынырнул низенький человек в пальто с поднятым воротником. Он замешкался на пороге, пытаясь закрыть за собою дверь.

– Нельзя ли поживее, любезный? – поднялся со своего места трактирщик – Не знаете приказа о затемнении? Еще на-

ведете на нас патруль!

– Добрый вечер, – поздоровался человечек, одной рукой еще держась за дверь, а другой сняв шляпу. – Я бы с радостью, да вот не могу. – Он спустился по низкой лесенке.

Только теперь все увидели, что у него нет одной ноги и из штанины торчит деревяшка с резиновым наконечником.

– Ну, это другое дело, – сказал Дюрица, взял стакан и, откинувшись на спинку стула, повернулся к Кираю: – Будьте любезны, перестаньте на меня таращиться!

– Как вам только не стыдно? – в третий раз произнес книжный агент, который не мог простить Дюрице, что это из-за него он не закончил свой рассказ о грудинке. – У вас никакого почтения. Ни к чему.

– Ну вот, опять безответственное заявление. Между тем я не меньше, чем вы или супруга нашего друга Белы, почитаю грудинку – с чесноком или без оного! Ну что там, на улице, – густой туман? – обратился он к новому посетителю, который, постукивая протезом, направился к стойке, расстегивая на ходу пальто.

– Да уж, честно сказать, – улыбнулся тот, – мог бы быть и пореже.

– А вот я как-то раз в такой туман попал, – начал Ковач, столяр, – пальцев вытянутой руки не видел. Было это в 1929 году, в то время я в Бекешчабе, на юге работал. И самое интересное, что это случилось в августе.

– Да какие, простите, туманы в августе, – возразил Кирай,

поворачиваясь на стуле к новому посетителю.

– Уж коли я говорю, значит, так и было. Погодите, я объясню. Шел я ночью домой, и пришлось проходить мимо речки. Ночь была довольно прохладная, и над водой, примерно метровым слоем, стоял густой туман. Но только внизу, не выше метра, как я сказал...

– То был не туман, а пар!

– А что такое туман? Тот же пар и есть!

– Извините, но если б туман был паром, то так бы и назывался! Уж это-то могли бы знать.

Дружище Бела – трактирщик – уже был за стойкой и привычно протирал жестяную поверхность.

– Что прикажете?

– Я, по правде сказать, – улыбнулся низенький гость, – еще сам не знаю, чего бы мне заказать.

– Ну что же... подумайте, может, что и придет на ум.

Посетитель достал носовой платок и, покашливая, принялся вытирать нос и рот.

– Простудился вот... – сказал он и улыбнулся сидевшим у стола.

– Мороз... Прямо зима... – сказал книжный агент и, прикрыв рот ладонью, зевнул.

– Настоящая-то зима еще впереди! – заявил столяр.

– Конечно, до настоящей еще далеко, – согласился Кирай, – но для осени просто кошмарная стужа.

– Ну, раз далеко, – заявил Дюрица, изучающе глядя на

вновь пришедшего, – то так бы и говорили, что на улице холод, а не мороз.

– Какой вы вдруг стали педант!

– Я отнюдь не педант, а просто люблю, когда правильно формулируют мысли. Попросите глентвейна, сударь, – сказал он, повысив голос. – Это бы вам теперь в самый раз.

Невысокий гость улыбнулся и обратился к трактирщику:

– Глентвейн? Это, пожалуй, и впрямь было бы хорошо.

– Да не слушайте вы его! – отвечал трактирщик. – Он вам наговорит! Глентвейна у меня не было, нет и в обозримое время не предвидится.

Невысокий гость уже обтер носовым платком и щеки, повернулся к часовщику и как-то неловко, по-детски опять улыбнулся:

– Я вижу, вы все тут в замечательном настроении?

– Так что прикажете, сударь? – забарабанил пальцами по жестяной стойке дружище Бела.

– Тогда, может быть... просто пинту вина?

– Пинту вина, – отозвался трактирщик, снимая крышку с встроенной в стойку фарфоровой емкости.

– И где это вас, уважаемый? – беря в руки стакан, кивнул Дюрица на деревяшку. – Небось не в тыловой казарме, а где-то на фронте, в России? Или, может, вы оступились по молодости?

– Не извольте шутить такими вещами! – вмешался столляр. – А вы, сударь, если хотите присесть, пожалуйста к нам.

– Покорно благодарю, – сказал вновь прибывший и со стаканом в руке проковылял к столу. – Добрый вечер, – вновь поздоровался он, подойдя поближе. – С вашего позволения, я и впрямь ненадолго присяду.

– Присаживайтесь, конечно, – ответил Ковач и, отодвинувшись, освободил место за столом. – В тесноте да не в обиде... Какой разговор, садитесь!

– Весьма признателен, – сказал одноногий. – Пожалуй, сниму пальто, у вас так тепло здесь.

– Конечно, снимайте, – услужливо поднялся Кирай, бросив остерегающий взгляд на часовщика, который уже скривил было рот, глядя на усердие книжного агента. – Давайте я помогу вам, служивый.

Он помог инвалиду снять пальто и, несмотря на протест, сам отнес его к вешалке, пристроив рядом со своим.

– Все мы люди, все мы человеки, – сказал он, снова устраниваясь за столом.

Трактирщик тоже вернулся на место. Принес заказанное гостем вино, поставил перед ним, затем сел и, достав сигареты, предложил поочередно собравшимся.

– Ишь ты, никак вы разбогатели, дружище Бела? – удивился Дюрица, уставясь на пачку «Дарлинга». – А все плачетесь, как бедняк горемычный! Вон какое богатство в кармане.

Трактирщик с довольным видом улыбнулся:

– Да вы не подумайте... Это мне один капитан подарил!

– Что до меня, я таких вещей никогда не любил, – заявил Ковач, тщательно выбирая себе сигарету из пачки. – По совести говоря, никогда я не понимал и чего господа в них находят. Все равно что одеколону нюхнуть.

– Чего находят... чего находят... – приговаривал Кирай, тоже вытягивая себе сигарету. – Выдрючиваются. Не подумайте, господин Ковач, будто им это нравится. Им самим противно, но ничего не поделаешь, надо пустить пыль в глаза. Вот, мол, я какой барин, угощайся, братец! А сами плюются. Но мода есть мода.

Столяр кивнул:

– По-моему, господин Кирай прав. Наедине-то, поди, они такого не курят, по крайней мере, мужчины. Помнится, в бытность мою подмастерьем, когда я еще в Буде работал, у Тушека и Компании, довелось мне у такого вот барина состоятельного побывать. Так он, барин этот, на прощанье протянул мне сигаретницу, а там в одном отделении были сигареты «Левенте»³, а в другом – вот такой же «Дарлинг». При чем шкатулку он так повернул, чтобы я взял «Дарлинг», а сам «Левенте» закурил.

– А может... – встрепенулся маленький посетитель, – он, может быть, для гостей держал эти деликатные сигареты, а сам любил что покрепче?

– Может, и так, – ответил Ковач. – Как бы там ни было,

³ Левенте – профашистская молодежная организация в хортистской Венгрии, где юноши проходили начальную военную подготовку.

сам он закурил «Левенте».

– Да для форса это, – заявил Швунг, подождав, пока трактирщик наполнит его стакан. – Для форса, можете мне поверить. Не хочется хвастать, но по роду занятий мне приходится вращаться в таких местах, и, по-моему, я эту публику изучил. За столько-то лет. Люди они неплохие, но очень уж большое значение придают вещам, на которые мы и внимания не обращаем.

Трактирщик наполнил стаканы всем остальным.

– Это верно, – согласился он. – Я вот работал когда-то в Буде, как раз в Хювёшвёльде, у Балажа, и жил там в одной семье, небогатые, но порядочные, сердечные люди, вся семья как есть. А напротив жил какой-то статский советник. Крупной шишкой был в министерстве. Так вот, этот тип, представляете, по утрам в чем мать родила занимался гимнастикой на балконе: руками махал, приседал, подпрыгивал, стучал себя в грудь. И в жару занимался, и в стужу, каждый божий день.

– Видно, бзик у него такой был, – сказал Ковач.

Маленький гость наполнил себе стакан – ему-то хозяин трактира, естественно, не наливал, но теперь с нетерпением ждал, что он скажет, отведав его вино.

– Если позволите мне вмешаться, – начал новоприбывший, – я тоже как-то попал в одну такую господскую семью...

– А что у вас за профессия, позвольте спросить? – перебил его Ковач.

Маленький гость улыбнулся.

– Я, знаете ли, фотограф. – Он качнул головой. – Не хочу быть нескромным, но точнее будет сказать: мастер художественной фотографии. Кесеи. Меня зовут Карой Кесеи.

– Ах вот как? – прищурился на один глаз часовщик Дюрица.

– Я это не из хвастовства говорю, – продолжил фотограф, – просто сегодня, когда в нашем деле столько развелось халтурщиков, это нелишне подчеркнуть!

– Ну конечно, – кивнул книжный агент.

– Мастер, стало быть, – одобрительно отозвался столяр. – Вот так и в моем ремесле. Тоже не все равно, как человек работает. Люди копят, чтобы получить за свои кровные красивую вещь; не только полезную, понимаете, а еще и красивую. Потому и не все равно, как работает мастер. Правда?

– Совершенная правда, – ответил Кесеи. – А если еще добавить, какую радость вы получаете от того, что можете разделить с другими свой личный и, так сказать, более развитый вкус, – вот когда становится ясно, как много зависит от настоящего мастера, в данном случае – от мастера художественной фотографии...

Книжный агент отодвинул от себя стакан:

– Да ведь вкусы бывают разные. Что до меня, то должен признаться, что жизнь лишилась бы всякого смысла, будь вкусы у всех одинаковы! Осмелюсь сказать, у меня в этом случае пропало бы всякое желание жить. Вы только пред-

ставьте: куда ни плюнь – всюду одно и то же. Возьмем книги, к примеру. Писатели будут все на одно лицо, и что станет тогда с их глубокими мыслями, которые не найдут выхода, ибо требуется только одно и то же. Боже храни нас хоть в чем-нибудь быть одинаковыми. Пусть всяк любит то, что ему по душе!

Фотограф сделал нетерпеливый жест и, все больше краснея, заговорил:

– Но я все же думаю – если мне вообще позволено что-либо думать, – я думаю, что возвышенный вкус имеет определенное право воздействовать на вкусы более низкие и менее развитые, чтобы те поскорее менялись. Возвышенный вкус, полагаю я, такое право имеет.

Дюрица снова прищурился и произнес на сей раз чуть тише:

– Ну-ну...

– Что вы сказали? – спросил фотограф.

– Я сказал: ну-ну, – ответил часовщик.

Фотограф вспыхнул. Все лицо его залилось краской.

– Простите, как это понимать?

– Да никак, – ответил Дюрица. – Продолжайте, почтенный...

– Не обращайтесь внимания, – сказал столяр Ковач. – Он любит других задирать.

– Словом, я полагаю, что если мы сами уже достигли какого-то совершенства, то наш долг как-то подталкивать, сти-

мулировать отстающих, чтобы те поскорее меняли мнения и отказывались от своих устаревших позиций.

– Ну-ну, – в третий раз произнес часовщик и поднял стакан. – Вот кто может далеко пойти! – сказал он и отпил из стакана.

– Куда пойти? – не понял столяр.

– Далеко, – повторил Дюрица и продолжил: – Ну что же, будем здоровы, выпьем за то, что дорого именно нам, а не кому-то другому!

– Это верно, – подхватил хозяин трактира. – Не станем никого лишать радости, приглянулась кому дурнушка – пускай радуется на здоровье.

– Честно признаться, – сказал книжный агент, – я тоже считаю так, что ежели статскому советнику доставляет радость нагишом выплясывать на балконе, то и пусть себе пляшет или чем он там занимается. Я это, прошу заметить, совершенно серьезно, без тени сарказма сейчас говорю. В конце концов, если что и придает нашей жизни смысл, то это уверенность, что мы вправе поступать сообразно собственной воле. А иначе разве могли бы мы вообще называться людьми? Верно я говорю?

– Верно... Верно... – согласился хозяин трактира.

– Святая правда, – поддержал его Ковач. – Это надо быть дьяволом, чтобы с ней спорить!

Фотограф повертел перед собой стакан:

– Да... конечно...

– Вы только вдумайтесь, – продолжал Швунг. – Ваш этот советник, дружище Бела, то бишь статский советник, который голым разгуливал по балкону, он, наверное, потому и придумал себе это экстравагантное занятие, что мыслил не так, как простые люди. Я вовсе не осуждаю его, но представьте себе, что такому советнику поручили обеспечивать население хлебными карточками. Или еще до войны, положим, он должен был заниматься заготовкой зерна. И вот придет он под вечер домой, а в голове по-прежнему крутится: какой ожидается урожай пшеницы да ржи, или сколько необходимо распределить хлебных карточек, и, вообще, так ли пойдут дела, как ему хотелось бы? Ну подумайте, что у этого типа в черепке творится! Представляете, выходит такой господин на улицу, где множество женщин, мужчин, детей, влюбленных и стариков и всех прочих, и думает про себя: а ведь это их мне надлежит обеспечивать хлебом, это им выдавать пайки! И видит уже не людей, а дневные пайки! Вон, говорит, два пайка пошли, а там – один паек, а там – паек для старика, которому на следующий год, наверное, уже не понадобится хлебная карточка, бедолага ужасно кашляет и едва волочит ноги. А при виде подростков подумает: этим вот на будущий год уже взрослую норму давать придется!

Хозяин трактира рассмеялся:

– Ну и юмор у вас, господин Кирай!

– Я и сам понимаю, – сказал книжный агент, – что это звучит смешно, только на самом деле, дружище Бела, здесь нет

никакого юмора. Представьте себе, к примеру, какого-нибудь высшего офицера, положим генерала из военного ведомства, отвечающего за укомплектование армии. Тоже ведь не простой человек, не такой, как все прочие. Как, по-вашему, он себя ощущает, проходя по улице? И видя перед собой людей, мужчин...

– Такие по улицам не расхаживают, – заметил столяр, – они на автомобилях ездят. Как и статский советник ваш – тоже, поди, на машине катался, не так ли, дружище Бела?

– Все так. За ним по утрам приезжала машина, потом обедать его привозила, а к вечеру снова домой.

– Ну, видите?

– Тогда уж тем более все так и есть, как я говорю, – повысил голос книжный агент. – Такой уже и не слышит людских голосов, а видит разве что, как они открывают рты да руками размахивают. Из машины для них люди и давно – всего лишь пайки или военнообязанные, если иметь в виду генерала! Вы только представьте... Выглядывает он из машины и видит перед собой человека, у которого все на месте: не безногий и не безрукий, не одноглазый – и дочурку с собой прихватил на прогулку, ведет ее, предположим, в сторону моста Маргит. Вот когда что-нибудь подобное вижу я или любой из вас, что нам приходит в голову? Вот, мол, добропорядочный семьянин, примерный отец – поди, не в кабак направляется и не к любовнице, а исполняет просьбу жены, погуляй, мол, с ребенком, пока я обед готовлю да прибираюсь. А то и про-

сто – ребенок давно свежим воздухом не дышал! Но это мы так думаем – а что думает генерал? Он говорит себе: «Что за черт?! Человек призывного возраста, здоровяк, почему не на фронте?!» Дружище Бела подмигивает столяру:

– С юмором человек, а?

– Да чего ж тут смешного, дружище Бела? – насупился Ковач, столяр. – Если задуматься, то станет понятно, что нету тут ничего смешного!

– Так вот, – продолжал Кирай, – к чему я все это рассказываю? А к тому, что большим людям жизнь представляется совершенно иначе, чем нам, простым смертным. Они совершенно другие. И знают прекрасно, чувствуют, что мы не чета им, не их поля ягода.

– Это с какой же стати? – изумился хозяин трактира. – Они такие же люди, как я или вы.

– Ну, это как посмотреть! С одной стороны, вроде так, а с другой – так вовсе наоборот. Вам разве приходила в голову мысль – вон, мол, военнообязанный идет? Вот видите, не приходила. У вас никогда и в мыслях не было, что для людей, которые попадают к вам на улице, вы начальник, хозяин или, так сказать, повелитель, словом, некто, от кого зависит жизнь этих людей. Вам ведь и в голову не придет, что вы лучше всех остальных. Верно я говорю? А у этих наоборот – хотят они или нет, в голове сидит мысль, что они сделаны из другого теста. Потому и ведут себя во многих вопросах совершенно не так, как другие.

– Все верно вы говорите, господин Кирай, – согласился, распрямляя затекшую спину, столяр. – Я тоже могу пример из жизни вам привести. Закончил я как-то работу в одном барском доме, и по этому случаю мне предложили остаться на полдник. А заготовлено к нему было столько, что за неделю не съесть. Сажу я на кухне, кухарка с подносами возит-ся, потом принимается хлеб резать. Я не выдержал и спросил: «Что вы делаете?» А она мне: «Как «что делаю»?» – «Для кого вы, – спрашиваю, – эти ломтики нарежете?» Потому как кусочки были такие тонюсенькие, что, поверьте, каждый не толще папиросной бумаги был. Как есть говорю вам! Просвечивали насквозь, человек, стоя рядом, дохнуть боялся, чтоб они со стола не слетели. И какой в этом смысл? Выдрючиваются только, как уже господин Кирай выразиться изволил.

Фотограф отставил стакан и, покашляв, заговорил:

– Но вполне может статься, дорогой господин Ковач, что высокопоставленные господа просто хорошо питаются и хлеб им не так уж нужен. Ведь много хлеба обычно едят в тех семьях, где более сытных продуктов в питании не хватает.

– Я вот тоже о чем-то таком подумал, но все-таки это странно, вы не находите? Не толще бумаги, право.

– Как бы там ни было, – заговорил книжный агент, – факт остается фактом: они во всем желают вести себя по-иному, чем остальные люди. Взять хотя бы манеру, когда муж и жена обращаются друг к другу на «вы». Послушать их – так

они вроде и незнакомы, вроде и не привязаны друг к другу навечно. Но это бы ладно, их личное дело, в конце концов. Мне было бы интересно узнать, как всем этим господам, что занимаются хлебными карточками, да генералам и прочим большим господам, которые судьбы простых людей решают, – как им по ночам спится?

– Замечательно спится, – воскликнул Дюрица, часовщик.

– А вот мне, господин Дюрица, в это как-то не верится.

Ковач почесал в затылке:

– Оно так... Если вдуматься, то и впрямь невозможно поверить, что им так уж спокойно спится; ну как может спать спокойно... к примеру, премьер-министр? Или, положим, прокурор или верховный? Не говоря уж о королях. Или о полководах, военачальниках.

Дюрица перевел сонный взгляд на фотографа:

– А вы где потеряли ногу, простите?

– Нельзя же так, господин Дюрица, – упрекнул его книжный агент.

– Почему же нельзя? Если бы он рассудок свой потерял, будьте покойны, я бы и не спрашивал его ни о чем. Вас ведь я ни о чем не расспрашиваю. Так что случилось с вашей ногой, сударь?

Фотограф покраснел и шевельнулся на стуле:

– Да ведь я не один такой, к сожалению. Не один...

– Мина?

– Она самая. Все как водится: излучина Дона и прочее!

– Вот видите, – снова заговорил книжный агент. – А вы говорите, что премьер-министр или военачальник могут спокойно спать. Сами-то вы могли бы спокойно спать, жить себе поживать, развлекаться, допустим, с женщинами, если бы именно вы послали этого человека на фронт, мол, вперед, исполняй свой долг?

Дружище Бела кивнул:

– Ну, понятное дело. Никто еще не видал на фронте министра или премьера. Встречал кто-нибудь премьер-министра с деревяшкой вместо ноги?

– Не бывает такого, – отрезал Ковач. – Потому что если бы таким господам приходилось сидеть в окопах, то не было бы вообще никаких войн, уж можете мне поверить. Это такая же правда, как то, что я сижу перед вами на этом стуле.

– Я вам так скажу, – многозначительно воздел палец Швунг, – лучше всего быть простыми людьми вроде нас. Нам уж точно не из-за кого испытывать угрызения совести. Откуда им взяться? А представьте себе хозяина банка или завода. Или землевладельца. В каком они положении? Казалось бы, все у них замечательно, все есть, что душе угодно: роскошные дома, виллы на Балатоне, в Бёржэни или Матре. И куча прислуги, горничных, поваров, автомобилей, водителей и всего прочего.

– И никаких забот, это факт, – кивнул трактирщик.

– И от этого они никогда не умрут? – зевнул Дюрица.

– От чего?

– От того, что у них все есть.

– А знаете, господин Дюрица, на кого вы похожи? – спросил книжный агент. – На попугая из бакалейной лавки, который все время долдонит одно и то же: «К вашим услугам, к вашим услугам!»

– Умный попугай, – сказал Дюрица. – Умнее многих книжных агентов в Европе. Точнее, в Эйропе, прошу прощения.

Кирай вскинул голову:

– Чем опять я не угодил вам?

– О Боже, с чего вы взяли?

– Вы думаете, я не расслышал этой вашей «Эйропы»? Да, да, да, именно так произносят все культурные, цивилизованные люди. Я слышал это произношение от людей широчайших познаний. Но вы с такими, я полагаю, никогда не пересекались. И если для них Эйропа – это нормально, то и для вас сойдет.

– Bravo! Советую вам отныне говорить в телефонную трубку «хэлло», вместо «алло», раз уж вы эйропеец.

Дюрица, рассмеявшись от собственных слов, с довольным видом посмотрел на книжного агента.

– Спокойствие, господин Кирай, – положил руку на плечо Швунга хозяин трактира. – Вы ведь знаете, он без насмешек минуты не проживет. Ему доставляет страдание то, как замечательно мы здесь сидим и мирно друг с другом беседуем. Продолжайте, прошу вас!

– Вот увидите, однажды его заберет нечистая, – сказал Швунг и отвернулся к остальным. – Словом, вы полагаете, что люди из категории, мною описанной, могут спать спокойно? Зablуждаетесь! Ну посудите сами, откуда берутся все их богатства, комфорт и все прочее? Откуда, позвольте спросить? А оттуда, скажу я вам, что другим жрать нечего...

– Да вон в портфеле у вас грудинка, – поддел его часовщик.

– Хорошо! А как быть тому, у кого в портфеле грудинки нет? – парировал книжный агент.

– И вообще, – поддержал его Ковач, – так ли часто она там бывает?

Кирай кивнул и, загасив сигарету, продолжил:

– Вот о том и речь. Они как сыр в масле катаются, в то время как у других забот полон рот. И вы думаете, они про это не знают? Есть писатель такой – Золя, так он в своих книгах про нищету эту все как есть написал. И знали бы вы, сколько его книг я реализовал в правлениях разных компаний. Причем многие члены этих правлений прямо мне говорили, что они очень любят этого автора. Стало быть, им известно, что написано в этих книгах и откуда все их богатство. В конце концов, они ведь не идиоты. Зачем наводить тень на плетень? Все эти люди прекрасно знают, что они негодяи.

– Ну... это еще куда ни шло, – сказал трактирщик. – А если взять всяких... министров да полководцев – тех, кто считает, что им полагается управлять людьми? Вот, к примеру,

у одного из моих гостей нет ноги. Как это полководец или другой кто, отдавший приказ начинать войну, мог взять на душу это несчастье – вы уж простите, уважаемый гость, за мою откровенность, но ведь это правда. Вам уже никогда не стать тем человеком, каким вы были до этого.

Ковач, прищурившись, уставился прямо перед собой.

– Оно верно, конечно... – начал он, – но все же, дружище Бела, мне кажется, дело немного сложнее. Потому как, с одной стороны, может, вы и правы, а с другой стороны, кто-то ведь должен решать, кому и когда на войну идти, то есть что я хочу сказать – нельзя обойтись без власти, кто-то должен страной управлять, правительство, или премьер-министр, или государь... И может наступить время, когда страну потребуются защищать. Это ведь тоже правда, как ни крути. Разве я неправ?

Дружище Бела подался вперед:

– Вы кто по роду занятий, господин Ковач?

– Как это – кто?

– Я просто спрашиваю.

– Ну столяр я.

– Значит, в руках у вас ремесло?

– Разумеется!

– И людям всегда будут нужны стулья, кровати, столы и прочая мебель, которую вы изготавливаете?

– Ну... вообще-то, да.

– А могут лишить вас вашего ремесла?

– Ну, это едва ли. Точнее, я так скажу: если работать на совесть, не жульничать, не обманывать – никогда не лишат!

– Вот видите! Тогда какое вам дело, кто ваш заказчик? Кто с кем хочет воевать? Куда бы ни повернулся мир, вы всегда останетесь столяром, в вас и вашей работе всегда будет нужда. Так это, господин Кирай, или не так?

– Вопрос не такой простой, – погладил макушку книжный агент. – Непростой потому, что человек все же любит родину, и вполне может получиться так, что ее интересы окажутся для него важнее.

– Вы шутите, господин Кирай! Разве могут быть интересы, которые стоили бы войны? Я человек необразованный и этого никогда не скрывал, но даже мне понятно, что нет никаких таких интересов, чтобы из-за них войну начинать!

– Позвольте мне перебить вас, – откашлявшись, заговорил фотограф, – я вашим терпением не злоупотреблю: а вот если, скажем, кто-нибудь стал бы утверждать – подчеркну, что я только предположительно говорю, сам я такого не утверждаю, – что вы неправы, что бы вы сделали?

Дружище Бела пожал плечами:

– Да наплевать. Пусть себе утверждает. Какое мне дело?

Кирай хотел было что-то сказать, но фотограф знаком остановил его и продолжил:

– А если, позвольте предположить, ваш собеседник утверждал бы не только это, а заявил бы, что только идиот может высказывать такие суждения? Что тогда?

Дружище Бела, недоумевая, уставился на фотографа.

– Только поймите, – добавил фотограф, – я не хочу, чтобы вы неверно истолковали мои слова. Это не я говорю. Я только предполагаю, что некий человек так обозвал бы вас. Что бы вы сделали?

Хозяин трактира, как свойственно это людям сильным, порядочным, но не обладающим слишком большим умом, попытался сначала понять вопрос, а затем уж с предельной точностью на него ответить. Он наморщил лоб, облокотился на стол и положил на руки подбородок. Затем неуверенно оглянулся по сторонам.

– А хрен его знает, что бы я сделал, – сказал он и добавил, оправдываясь: – Уж простите за грубое выражение.

– Ну а все-таки?

– Это, наверное, зависит от того, с кем я имею дело.

– А точнее?

– Ну... я бы сказал ему, что он ошибается и что ничего идиотского в моих словах нет.

Дюрица рассмеялся. Рассмеялся впервые с тех пор, как они собрались за столом. Тут надо отметить: если читатель представит себе одно из тех неприятных лиц, в которых улыбка проявляет какое-то детское простодушие, то он увидит перед собой нашего часовщика, который воскликнул:

– Порядочный вы чудак, дружище Бела!

– Теперь это неинтересно, – живо перебил его книжный агент. – А скажите, дружище Бела, что бы вы сделали, если

бы этот некто, этот субъект, продолжал настаивать на том, что вы городите глупости?

– ...И что бы вы ему ни сказали, – подхватил фотограф, – твердил бы свое, в лицо называя вас идиотом?

Дружище Бела потер подбородок, растерянно глянул на столяра. Затем, растопырив пальцы, уставился в собственную ладонь.

– Такого не может быть, чтоб ни с того ни с сего меня стали вдруг обзывать идиотом.

Книжный агент хлопнул ладонью по столу.

– Почему это ни с того ни с сего? Он просто уверен в этом, таково его мнение.

– То есть он убежден, – продолжал вторить Швунгу фотограф, – что вы идиот. И будет на улице и повсюду кричать вам вслед, что вы идиот.

– В таком случае, – заговорил трактирщик, нервно двигая кадыком, – я, наверное, как следует ему врезал бы! Не оскорбляй человека зазря!

Кирай и фотограф переглянулись.

– Вот видите! – воскликнул книжный агент. – Вот так начинаются войны! Из-за какого-то пустяка вы ползете в драку, причем с риском погибнуть, или сами кого убьете в ней.

Фотограф поднял указательный палец:

– Не скажите, не такой уж это пустяк. Ибо есть тут один момент, который вы упустили.

Книжный агент с некоторой досадой, но все-таки уважи-

тельно посмотрел на фотографа:

– Какой же, позвольте узнать?

– Дело в том, – продолжал фотограф, – что у того человека тоже были свои убеждения и он был уверен, что его убеждения или мысли правильнее ваших. И что же он сделал? Он не смирился с тем, что вы представляете ошибочную точку зрения, а попытался переубедить вас и доказать, что вы неправы.

– И поэтому обозвал меня идиотом? – возмутился дружище Бела.

– Ну, наверное, это случилось уже потом, когда его захлестнули эмоции, вызванные осознанием своей правоты. Согласитесь, разве стал бы этот человек спорить с вами, не будучи глубочайшим образом убежден, что он прав? Но пойдем дальше: коль скоро он был уверен, что правда на его стороне, то не заслуживает ли уважения его готовность и вас увлечь на путь истинный?

Трактирщик покачал головой:

– Ну уж простите! Я, может, не понимаю вас до конца, но знаю одно – как называется человек, способный для утверждения своего мнения хамить другим людям. Это нечестный, непорядочный человек. Ведь если вы подойдете к делу с моей стороны...

Тут он обвел глазами сидящих за столом, словно выбирая, к кому можно обратиться с вопросом, и его взгляд остановился на Дюрице. Но часовщик поспешил откреститься:

– Чур меня, сударь.

Дружище Бела махнул рукой и обратился к столяру:

– Я хотел бы у вас спросить, господин Ковач, приходило ли вам когда-нибудь в голову во что бы то ни стало навязывать свое мнение кому-то другому?

– То есть как? – подавшись вперед, удивился Ковач.

– Но простите, милостивый государь, – вмешался Швунг, – мы говорим о вещах серьезных! То бишь не о том, надо ли добавлять в сыр паприку, и не о том, как есть фасолевый суп – с луком или без лука.

– Совершенно верно, – закивал фотограф.

– Мы говорим о том, – продолжил книжный агент, – что у человека может быть мнение по вопросу, который касается, скажем так, всего человечества. Он, естественно, убежден, что мнение его может принести человечеству пользу, – столь громкий пример я беру, разумеется, просто для большей ясности. Так вот, человек сей считает, что правильно лишь его мнение, и желает не держать это мнение при себе, а, будучи убежденным в его полезности, сделать доступным для всех. То есть он хочет людям добра. Вы понимаете?

Дружище Бела повернулся к столяру.

– Вот скажите, господин Ковач, – спросил он, склонив голову набок, – у вас когда-нибудь было желание повлиять на мнение других?

– Господь с вами, – всплеснул руками Ковач. – Ведь известно – и любой из присутствующих это подтвердит, – что

я тут живу с самого рождения и известен всем как человек работающий и честный, степенный. Верно я говорю, господин Дюрица?

– Разумеется, – сказал часовщик, опять начавший следить за мухой на потолке.

– У меня никогда и ни с кем не было никаких разногласий. Да как бы я мог осмелиться... не знаю, как и сказать... в чужие дела вступать?

Книжный агент положил ладони на стол и с нажимом заговорил:

– Ну вот, видите. Вы на меня не сердитесь, – он повернулся к фотографу: – я знал, что мы к этому придем, и потому только помогал вам, чтоб остальные поняли, о чем тут речь. Короче говоря, так оно и должно быть, дорогой господин Ковач. Именно так, дорогой дружище Бела. Потому что такое приходит в голову только министрам, да королям, да всяким военачальникам. Они потому и делаются министрами. Ну подумайте сами, не в том ли все дело, что эти люди, самоуверенные, бессовестные и тщеславные – то есть люди заведомо непорядочные, – настолько поглощены собой, что думают, будто только они знают истину, а все остальные ни бельмеса не понимают, сколько бы ни было среди них людей пожилых, опытных или весьма ученых? Так вот, удумают они что-нибудь и заявляют: должно быть так-то и так-то, а кому не нравится, с теми у нас разговор короткий. А потом, если будет такая нужда, могут забрать человека в солдаты –

умирать за то, что они считают правильным. При этом им даже в голову не придет спросить у той, кого это больше всех касается, – у матери: а можно ли послать ее сына на фронт?

– А кого же еще... – вмешался дружище Бела, – не своих же им сыновей посылать. Не дождетесь!

– Иными словами, – продолжал Кирай, – источник всех бед заключается в том, что существуют неадекватные люди, которые полагают, что все остальные должны соглашаться с их мыслями. Иначе – держись, они шею тебе свернут. Достаточно завестись в мире двум-трем таким ненормальным – и готова беда. Потому что ни один из них не признаёт правоту другого, ведь каждый дошел до своей ахинеи самостоятельно. Между тем достаточно было бы хоть немного подумать. В самом деле, если один скажет, что правда на его стороне, я стану утверждать, что прав я, а третий скажет – нет, он, то получится ерунда: не может быть столько истин, а если и может, то это ненастоящие истины. Вы это понимаете, дружище Бела?

– Чего уж тут непонятного.

– Что вы гогочете? – повернулся книжный агент к Дюрице. – Если вам серьезный разговор неинтересен, то не мешайте хотя бы другим.

Хозяин трактира махнул рукой:

– Пусть гогочет! На него иногда находит. А я так вам скажу: самое лучшее, когда человек живет, как мы с вами: делаем свое дело, живем по совести, уважаем друг друга.

Ковач, столяр, взволнованно потер лоб:

– Прошу прощения... Я тоже хотел бы сказать... Нельзя забывать, по-моему, что если бы Господь наш Христос, к примеру, не уверовал так крепко в то, во что он уверовал, и не захотел бы любой ценой преподать свое учение всему человечеству, заставить принять его, то как бы мы смогли стать христианами, как могли бы спастись? Ведь это лишь потому и произошло, что он крепко верил в свое учение и был убежден, что обрел истину. Разве не так?

– Замечательно! – воскликнул книжный агент. – И чего он добился, обретя эту истину? Поделившись ею с людьми. Преподав ее половине мира. Изменилось с тех пор что-нибудь?

– Да как вы можете это говорить? Что значит – не изменилось?

– Ну а что мне еще сказать, друг мой?

Ковач покачал головой и беспомощно оглянулся по сторонам. Фотограф, вспыхнув, забарабанил пальцами по столу, Дюрица сонно уставился в свой стакан, хозяин трактира потянулся.

Оглядев компанию, Кирай продолжил:

– Не хочу хвастаться, но по роду своих занятий мне пришлось прочесть уйму книг. Разумеется, я прочел не все книги, которые были написаны, но во многие заглянул, среди прочих – в такие, где речь идет об истории. И могу с полным правом сказать, что со времен Христа ничего в мире не

изменилось. Надеюсь, вы не поставите мои слова под сомнение. Так вот, дорогой господин Ковач, при всем моем уважении к вашему мнению, хотел бы спросить вас: если даже заповеди Христа не повлияли на человечество в ожидаемой мере, неужто вы будете утверждать, что может найтись еще некто более достойный и человечество прислушается к его учению? Ведь более правильного и более, так сказать, состоятельного учения нельзя себе и представить. Ну и где мы с ним оказались? Может ли появиться такой человек, который придумает нечто более дельное? Ведь что получается? Вот явился этот Христос – которого я тоже по-своему уважаю, – и, преисполненный своих истин, объявил, что он царь мира, а посему все должны его слушаться. Так что же, теперь может любой объявить себя владыкой мира, потому что он убежден в своей правоте? И это несмотря на то, что у его предшественника ничего не вышло?

Он оглянулся на дверь и понизил голос:

– Ну скажите начистоту, господин Ковач. Разве было когда-нибудь, чтобы варили мыло из человеческого мяса, костей и жира? Между тем как учение Христа давно уже всем знакомо. Об этом, конечно, нельзя говорить, но мы-то все знаем, что делается вокруг. Надеюсь, – он посмотрел на фотографа, – вы, сударь, не поймете меня превратно, это ведь просто констатация фактов. Разве свет видывал что-то подобное? Отвечаю: нет! А все почему? Да потому, что явился такой вот самодовольный выскочка, который твердит, что только

один он умный, а остальные все дураки. Он один может объяснить всему человечеству, всей Эйропе, как надо жить.

– Хэлло, – сказал Дюрица и прищелкнул языком.

– Что вы сказали? – спросил дружище Бела.

– Не обращайтесь внимания, – махнул рукой книжный агент, – наш часовых дел мастер изволит шутить.

Он вынул мундштук, вставил в него сигарету и тем же приглушенным голосом продолжал:

– А теперь представьте, как такой одержимый спит по ночам. Может он спать спокойно, когда что ни день по его вине гибнут тысячи?

– Может, – ответил Дюрица. – Спит себе преспокойно.

– Вы могли бы, не сомневаюсь. Но представьте себе того человека. Каждый день умирают люди, потому что он взял себе нечто в голову и упорствует. Говоря: либо мир будет жить так, как мною задумано, либо после меня хоть потоп – пускай все подыхают.

– А по-моему, – заметил Ковач, – так все эти короли да большие начальники все ж не могут спокойно спать. Тут год или два назад показывали один фильм, так там король двух племянников погубил, а еще кого-то утопил в винной бочке – чтобы никого к власти не допустить.

– Да только ли это, – вскинул голову хозяин трактира. – Взять хоть нашу историю: одного короля в собственном шатре порешили.

– А наш Тиса?⁴ – вспомнил Ковач.

– Вот-вот! Ни один из них не может быть спокоен за свою жизнь. Наверное, только о том и думают, кто и когда захочет с ними расправиться. Ну скажите: зачем людям большая власть и немислимые богатства? Какой прок от того, что можно командовать, деньгами распоряжаться и все такое, если нужно все время трястись от страха, что тебя зарежут, пристрелят или иначе как укокошат?

– О чем я и говорю, – с довольным видом произнес книжный агент. – Все беды как раз от таких людей. От тех, которым втемяшилось в голову, что они должны мир изменить. Вы только представьте себе, сколько проклятий сыплется на их головы, какими словами их поминают люди. Матери клянут их за отнятых детей, жены – за мужей, и прочая, и прочая. Уж поверьте, такая жизнь – удовольствие ниже среднего.

– Оно так, – заговорил Ковач, – я вон совсем не богач, никем не командую, работаю сам и живу, как умею. Грех жаловаться, на хлеб хватает. Не на все, конечно, хватает, сколько ни стараюсь, забот много, хоть отбавляй, и все-таки...

Он помолчал и, откинувшись на спинку стула, положил обе руки на стол.

– Хочу рассказать вам, – продолжал он растроганным голосом, – только вы надо мной не смейтесь... С самого дет-

⁴ Граф Иштван Тиса (1861–1918) – неоднократный премьер-министр Венгрии. Убит 31 октября 1918 г. восставшими солдатами.

ства была у меня, знаете ли, мечта – иметь собственный фонограф. Это такая штука – наговоришь в нее, а потом прослушиваешь, что сказал. Оно, конечно, ребячество, и все-таки было же человеку зачем-то нужно столько лет жить одной мечтой. Однако не смог я приобрести фонограф, хотя уже до седых волос дожил! А ведь работал всегда на совесть, так сказать, от зари до зари. Жизнь прошла, а я так и не осуществил то, о чем мечтал. И мечта-то, если подумать, – пустяк.

– Ну понятно, – заметил хозяин трактира, – в сущности, ерунда.

– Да, – кивнул столяр. – Что в нем есть-то: пара проволочек, какая-то пластинка, катушка и бог знает что там еще, в общей сложности килограммов десять, и эти-то десять кило каких-то там железяк я так и не смог за всю жизнь купить. То обувку детишкам, то одно, то другое, то для домика что-то нужно, чтобы семью в нищете не оставить, ведь я не вечный, пусть хоть детям легче будет жизнь начинать. Короче, не вышло.

– Ну да, – кивнул книжный агент, и взгляд его затуманился.

А Ковач тем временем продолжал:

– Но знаете, что я скажу вам. Свою скромную жизнь, со всеми ее неудачами и заботами, я не променял бы на жизнь всех этих важных господ. Меня хотя бы не поминает никто, а если и поминает, то добрым словом. Нет у меня ни богатства, ни власти – даже плевого фонографа нет, – зато совесть моя

спокойна. Лучше уж я другим предоставлю и право командовать, и богатство несметное, лишь бы спокойно спать по ночам, а когда я пройду по улице, пускай люди скажут: вон идет столяр Ковач, работающий, порядочный человек. Этого мне достаточно. Верно я говорю, любезный дружище Бела?

– Все верно, брат, так и есть. Зато к именам нашим не пристанет никакой грязи. Мы, конечно, великих дел не свершим, и в учебниках истории про нас – черт возьми! – не напишут, но и злом никто не помянет. И это правильно. А придет время... покинем сей мир и мы... таков порядок вещей. Согласны со мной, мастер Дюрица?

– Разумеется, – зевая, ответил Дюрица и взял стакан.

Подняли стаканы и остальные.

– Вот такие мы люди, любезный гость, – повернулся дружище Бела к фотографу. – Ну, будем здоровы! За вас, дорогой... простите, как вас?

Фотограф, моргая, поднял глаза на хозяина трактира.

– Кесеи, – сказал он, – Карой Кесеи.

– Очень приятно, – кивнул трактирщик.

Все пожали друг другу руки и осушили стаканы. Фотограф откашлялся, вытер губы и заговорил, часто моргая и все так же смущенно барабанил пальцами по столу:

– Вообще-то... если позволите... Должен заметить, что нет ничего плохого, если человек озабочен не только желудком и тем, чтобы занять свой домик. Там, в глубине души, у него живет мечта, чтобы не только ему, но и всем людям

на земле было хорошо, и он неустанно ломает голову, как бы достичь этого состояния. Он думает об этом, гуляя по улице, возвращаясь домой. И даже перед сном продолжает думать: как бы все это устроить, что должны люди предпринять? А потом, когда ему кажется, что решение, как помочь человечеству, найдено, у него, как вы понимаете, возникает желание, чтобы его услышали и все, до чего он додумался, стало реальностью.

Он склонил голову и принялся теревить кромку скатерти:

– В общем, я хочу сказать, что... человек иногда готов даже жизнью своей пожертвовать ради того, чтобы не только ему было хорошо, но чтобы осуществилась его мечта о благе всего человечества.

Часовщик вскинул брови и произнес:

– Тю-ю.

Фотограф взглянул на него:

– Что вы хотели сказать?

– Ничего, – откидываясь на стуле, ответил Дюрица и принялся изучать потолок.

– А у меня, знаете ли, – сказал хозяин трактира, – всегда было желание развести где-нибудь такой же сад, как во Франции возле одного большого дворца. Его называют Версалем, там еще мир заключали. Подростком я как-то работал у одного барина подручным садовника. Вот кто мастер-то был. Два года я отработал при нем и, надо сказать, не жалею. Он рассказывал мне про этот дворец и про тамошние сады. По-

казывал фотографии. Одних только розовых кустов там постоянно выращивали девяносто тысяч. То был не обычный парк, но ансамбль из садов и парка, то есть сперва от дворца идут правильные ряды клумб, деревьев, кустарников да пруды, фонтаны и все такое, и только потом уже – настоящий пейзажный парк, роскошный, в английском стиле, с беседками, мостиками из неотесанных бревен – ну, все как у наших князей Эстерхази. Так вот я, представьте себе, принял такое решение: ни за что не умру, пока не сотворю такое же чудо и пока не увижу своими глазами тот сад в Версале. Ну и что из этого вышло? Ничего. А ведь это было мое единственное истинное желание. Но я уже позабыл о нем – пропадай оно пропадом. Что я теперь могу? Я так понимаю: если за то, чтобы сад тот увидеть да потом у нас дома устроить такой же, пришлось бы совестью поступиться, я отказался бы. Для какого-нибудь магната исполнить такое желание – все равно что мне шаг до стойки ступить, но уж лучше все пусть остается как есть, лишь бы не проклинали меня потом и чтобы за жизнь свою не дрожать, мало ли кто на мое место позарится, так что и сон потеряешь. Да провались оно все к чертям, спокойный сон мне дороже.

– Так, как есть, оно всегда лучше, – подхватил столяр. – Хорош бы я был, если б глядел на людей из окна машины, как они суетятся на улице, и не было бы мне до них никакого дела. Чего уж хорошего. Вы правы, господин Кирай.

– Вы можете надо мной смеяться, – сказал трактирщик, –

но признаюсь вам откровенно: бедность не радость, конечно, но меня успокаивает, когда я такой, как все, и делаю то же, что остальные. Это как в теплой воде плескаться – такое же чувство. Довелось мне однажды с супругой отправиться в кинотеатр «Форум», ну, вы знаете, место приличное, там обычно премьеры показывают. Не помню уж, какой шел фильм, но подходящих билетов нам не досталось, оставались только самые дорогие. Что ж, говорю, пойдем. Оказались мы среди элегантной публики, на самых роскошных местах. Ну, скажу вам, так отвратительно мне никогда еще не было. И откуда только такие чудачки берутся? Хотите верьте, хотите нет, они даже смеялись не в тех местах, где смеялись другие. Когда нас с женой разбирал смех, они начинали шикать, а в перерыве глядели на нас с таким презрением, что мы потом уже идохнуть боялись. Так всю картину и просидели не шелохнувшись, не знали, что может им не понравиться. У меня воротник от пота намок. Черт поймет, что за люди такие.

Швунг воздел кверху палец:

– А я так скажу, господа: не надо ими вообще интересоваться.

– Да ведь беда не в том, что мы ими интересуемся, – возразил дружище Бела. – Мы, может, плевать хотели на них с высокой колокольни. Беда в том, что это они вечно нас достают. Когда надо и когда не надо. То одно делай, то другое, плати государству за это, плати за то, встань сюда, встань туда, а теперь иди воевать, потому что мы тут великое дело

задумали, которого тебе не понять, ты ведь даже не знаешь, когда надо в кино смеяться; а то скажут, на крестный ход иди, то флаг на доме повесь, то сними флаг, то хлеб получай по талонам, то вдобавок еще и жир, то скажут, верь мне, а потом – верь главарю другой партии, которого премьер-министром назначили... как будто ты попка. Или петрушка на ниточках.

Ковач улыбнулся:

– Это, друг Бела, надо как град принимать. Он идет, когда ему вздумается, – ничего супротив него не поделаешь! Так уж заведено с тех пор, как мир стоит. Побьет человека градом, а он отряхнется, будто собака, и дальше пойдет. Других вариантов нету.

– Ну, можно еще попытаться головой стену пробить, – заметил книжный агент. – Но если коротко, то мир представляет собой огромную армию. В ней – миллионы простых солдат, над ними сотни тысяч дуболомов – старшин и сержантов. Выше стоят офицеры, десятки тысяч, которые объясняют тупым сержантам, что им следует делать. Затем – несколько сот генералов да несколько маршалов. А выше всех – верховный главнокомандующий, фельдмаршал, генералиссимус или как там еще... званий они себе напридумывали – в каждой стране свое. Так уж устроен мир. Ну и что в этом мире вы можете сделать? Вот вы, например, – он повернулся к фотографу: – Будучи рядовым, что можете в такой армии? Единственное, что вы можете, так это заткнуться и

выполнять, что велит вам сержант или старшина. Не забудьте, общаться с вами будет не генерал – еще чего! – а сержант или даже ефрейтор. Ничего вы не сможете. Но секундочку. Погодите. Вы думаете, что раз старшина допекает вас и на правах младшего командира может выудить из котла мозговую косточку, то его положение легче вашего? Заблуждаетесь! Он ведь тоже делает только то, что приказывают офицеры. Ну а что эти офицеры, которые им командуют, позвольте спросить? Если они едят на белой скатерти и не там, где лопают рядовые, если у них на мундирах болтаются аксельбанты, то от этого их положение лучше вашего? Ничуть не бывало. Тоже ведь делают только то, что генерал прикажет. Чем они от вас отличаются? Вся и разница, что вами сверхсрочник командует, а ими генерал. Что с того? Каждый делает что приказано. Покорно благодарю за такое отличие.

– Но кое-какое отличие все же есть, – возразил Ковач, – когда генерал приказывает, это дело другое.

– Почему же, папаша? Не понимаю.

– Все так, как господин Кирай нам говорит, – поддержал Швунга дружище Бела. – Я бы добавил, что рядовой-то оказывается даже умнее, он ведь как рассуждает: я сошка мелкая, что старшина или другой сверхсрочник прикажет, то я и делаю. А этот офицер несчастный или генерал тот же, поди, думает мудрой своей головой, будто он на особом счету. Потому что приказ «шагом марш!» ему отдают иногда доверительным тоном. Смех и только! Как будто хоть что-то меня-

ется оттого, что порой ему дозволяется вякнуть, хотя, правда, только вполголоса. Он думает, раз командует нижестоящими, то сверху уже не выглядит таким же ничтожеством, каким сам считает рядовых да сержантов?

Швунг кивнул:

– Все верно, дружище Бела. Я вижу, вы поняли, о чем разговор. А теперь представьте себе генералов да маршалов. Вы думаете, они в другом положении? С виду, конечно, они хоть куда – и спереди, и с боков увешаны разными прибабасами да фитюльками. И выражены как шуты гороховые. А только все это фикция. И они без приказа не пикнут. Но каждый из них думает, что он пуп земли и светильник разума. Вашему статскому советнику тоже ведь дозволяется только то, что велит министр, вице-губернатору – то, что велит губернатор, а губернатору – то, что прикажет премьер. Замечательная картина, скажу я вам. Но тогда уж я, рассудив по совести, скажу то же самое, что весьма разумно говорит себе рядовой солдат: мол, мое дело маленькое и не я пуп земли...

Столяр Ковач задумчиво кивнул.

– Истинно так. Не правда ли, все очень просто? – повернулся он к Дюрице.

– А то и проще, – сказал часовщик и, упершись спиной в спинку стула, приподнял одну ягодицу и звучно выпустил газы.

Кирай, уже поднявший руку в протестующем жесте, застыл в неподвижности. Фотограф повернулся ухом к часов-

щику.

– Господин Дюрица, – покраснев, сказал книжный агент.

– Я весь внимание, – откликнулся часовщик.

– Господин Дюрица, – повторил Кирай.

Хозяин трактира, опустив голову, ухмыльнулся. Ковач, хлопая глазами, уставился сначала на Дюрицу, потом – на Кирая.

– Я не желаю больше это терпеть, – воскликнул книжный агент. – Как можно сидеть за одним столом с таким человеком!

– А в чем дело? Вы поступаете с газами как-то иначе? – невозмутимо посмотрел на него Дюрица. – В петлицу вставляете? Или в карман прячете?

– Хоть теперь помолчали бы, – ударил по столу ладонью Кирай.

– А вы, пока тут сидите, не делали ничего подобного? Вы это хотите сказать? – спросил часовщик.

– Ну это уж слишком. Я протестую!

Ковач уставился в стол.

– Вы очень хорошо знаете, господин Дюрица, – сказал он, – что я уважаю вас. Но нельзя ли избавить нас от таких вещей?

Хозяин трактира тихо заметил:

– Могли бы уже и привыкнуть.

– К эт-тому н-невозможно п-привыкнуть, – от волнения стал заикаться Кирай, а затем обратился к фотографу: – Про-

шу вас, забудьте об этой... непопозволительной выходке.

Он замолчал, теребя воротник пиджака. Затем, выпятив подбородок и покрутив головой, подтянул галстук и, чуть понизив голос, вновь обратился к часовщику:

– Ну честное слово, ведете себя как шкодливый мальчишка. Имейте хотя бы немного такта, если уж не имеете ничего другого. Мы хотим одного, чтобы вы считались с себе подобными. Неужто трудно понять?

– Продолжайте, пожалуйста, на чем вы остановились, господин Кирай, – попросил дружище Бела.

– Человек не затем садится беседовать с друзьями, – сказал Швунг, вздернув плечи и резко их опустив, – чтобы кто-то таким вот свинством... Эх...

Он потряс головой и обернулся к хозяину трактира:

– Что вы сказали, дружище Бела?

– Вы про армию не закончили.

– Мне к сказанному добавить нечего.

– Все именно так, как вы нам представили.

– Я просто пришел к заключению, что если мир устроен наподобие армии, где только последние идиоты верят, будто они могут действовать по собственному разумению, то в таком мире надо вести себя соответствующим образом. Много ли проку в том, когда рядовой поперет против приказа? Так не бывает. Помнится, как-то раз за четверть часа до увольнения сержант приказал мне вымыть загаженный кем-то клозет. Я возразил ему, мол, гадил не я и вообще наше отделение

пользуется другой уборной, так он заставил меня вымыть все сортиры на двух этажах – и это в воскресенье после обеда, когда у меня увольнительная в кармане. А вдобавок составил рапорт, будто во время доклада об окончании уборки мое лицо выражало угрозу. Офицеру, вызвавшему меня, я объяснил, что со мной обошлись несправедливо, но тот заявил, что не позволит очернять армию, и отправил меня на гауптвахту. После этой истории я стал в нашей роте чучелом для битья, и не было подлости, которую надо мной не учинили бы. Ну и скажите, а в мире разве не так все устроено? Открыл рот – и ты уже без вины виноватый. Козел отпущения. Кто угодно может над тобой измываться. Одно слово поперек сказал, и тебе уже не дадут спуска, всю жизнь будешь, образно выражаясь, драить все на свете клозеты.

– А помните, что за история со мной на прошлое Рождество приключилась? – спросил столяр. – Про женщину и про то, как меня не прокатили на автомобиле?

Хозяин поднял бутылку и взглянул на фотографа:

– Это стоит послушать, сударь.

– Как раз в тему нашего разговора, – добавил книжный агент.

Столяр подтянул стул поближе к столу:

– За день до сочельника был я у своей сестры, в квартале Векерле. Подарок крестнику своему отвозил. И на обратном пути решил заглянуть за какой-то надобностью к одному приятелю столяру на улице Барош. Иду по Большому буль-

вару и вижу, как в боковой улочке двое верзил к женщине пристают. Еще не стемнело, так что видно было, как они ее к стенке прижали и насильничают, бедняжка кричать хотела, но они ей зажали рот и юбку уже разодрали под короткой шубейкой. Я – туда, в чем дело, спрашиваю. Один из них отвечает, вали, мол, отсюда подобру-поздорову. Ну, я бросаюсь к ним, чтобы отбить у них несчастную. Они, понятно, меня лупцуют, но я спуску им не даю. «Хулиганы, – кричу, – я покажу вам, как к женщинам приставать». И колошмачу их что есть мочи. И тут возле тротуара тормозит шикарный автомобиль, откуда выпрыгивает еще один здоровяк – и цап, в машину меня, а за мной и ту женщину. «Да заткнись же ты, идиот», – вопит один из них, а другой так врезал мне по зубам, что я еле очухался.

– Каждому свой сортир достается, – вставил Кирай.

– Короче говоря, – продолжал Ковач, – доставили меня в участок, потому как дамочка была то ли карманницей, то ли домушницей, в общем, та еще птица, а эти здоровяки были сыщики из полиции, которые в том переулке ее и зацапали! «Какого дьявола вы не в свои дела встреваете, дурень вы этакий? – спрашивает меня потом детектив, тот, который мне по зубам врезал. – Вас не касается – вы и не суйтесь!» Вот ведь как. А меня-то учили – и в бойскаутах, и в церковной общине, везде, – что надо всегда приходить на помощь людям. И что ж это получается? Как я должен вести себя после этого?

– Очень просто, – сказал книжный агент. – Как в армии.

Не спрашивают – молчи.

– Я согласен с тем, что говорил тут дружище Бела, – кивнул Ковач. – Против мира не попрешь, велят вылизать начисто пол, надо вылизать – и дело с концом. Рядовой – сошка мелкая. Ничего не видел, ничего не слышал. Вот такая у нашего брата должна быть заповедь. Ну а что мы при этом думаем, никого не касается, тут мы сами себе хозяева. Пусть хоть это нам остается. Разве не так?

Фотограф разгладил перед собой скатерть и, обводя указательным пальцем узоры, заговорил:

– А я все же так скажу, – и он вновь покраснел, как краснел всякий раз, вступая в разговор. – Скажу так: даже если вы в сотый раз с таким делом столкнетесь, надо и в сотый раз вмешаться! Это, если угодно, человеческий долг. И если мы уклонимся – то как же нам себя уважать?

– О-хо-хо, – вздохнул Кирай. – Отчаянный вы человек, однако.

Ковач повернулся к часовщику:

– А вы что на это скажете, господин Дюрица?

– Меня удивляет, – ответил Дюрица, – как это у вас от скуки скулы не сводит.

Кирай поднял стакан.

– Ну, конечно, конечно. Если бы мы разговаривали о девочках нежного возраста, господин часовых дел мастер не соорил бы такую кислую мину.

– Вы полагаете? – поднял на него глаза Дюрица.

– Полагаю, мой дорогой друг.

Дюрица повернулся к Ковачу и предостерегающе поднял указательный палец:

– Сторонитесь людей, которые называют вас дорогим другом. Это люди неискренние и двуличные.

– Да, я так полагаю, – повторил книжный агент. – И если у вас еще есть хоть капля совести, сию же минуту выбросьте эту гадость, которую вы держите в руках, иначе я вынужден буду покинуть вас.

За разговором Дюрица достал из нагрудного кармана мундштук и, дунув в него раз-другой, принялся не спеша вправлять в него сигарету. Мундштучок был невзрачный, изготовленный из картона и наконечника являвшего собой отрезок стержня птичьего пера, – подобного рода изделия продаются в табачной лавке за пару филлеров; в отличие от других мундштуков этот практичен: его можно выбросить после нескольких сигарет – еще до того, как провоняет бумажник или карман. Когда Дюрица продул свой мундштук, в помещении распространилась умопомрачительная табачная вонь. Мундштук был явно старый, хотя внимательный взгляд мог заметить на нем следы заботливой чистки.

– Вам и это не нравится? – сонно взглянул на Кирая Дюрица и, слегка подвернув, вставил сигарету в мундштук.

– Как это вообще возможно, чтобы человек с приличным заработком покупал подобную мерзость? Объясните мне на-

конец.

– Могу вам одно сказать: не нравится – отвернитесь. Какое вам дело до этого?

Он бросил на Кирая иронический взгляд и добавил:

– Так что вы хотели, любезный?

– Поступайте как знаете, – повернулся на стуле книжный агент и взял из хозяйской пачки сигарету «Дарлинг».

– Разрешите, дружище Бела?

– Да, конечно. Угощайтесь! Все угощайтесь, – предложил хозяин трактира собравшимся. – А что касается мундштука господина Дюрицы, то я, право, не знаю, что и сказать.

– Ладно бы еще из вишневого дерева был или из янтаря. Но всю жизнь пользоваться такой дрянью! Ну и вкус у вас, черт возьми. Порвите да выбросьте вы его, и воздаст вам Господь. Я завтра же принесу вам взамен янтарный мундштук, видит Бог, принесу, только избавьтесь от этой мерзости ради всего святого.

– Пощадите своего друга, маэстро, – заметил хозяин трактира. – Уж не хотите ли вы и впрямь до конца дней своих курить через этот мундштук?

Дюрица вскинул брови, скорчил говорившему насмешливую, но незлую гримасу и с поразительной точностью спародировал Швунга:

– А что, если в самом деле хочу? Однако, чтобы доставить удовольствие вашему дорогому эйропейскому другу, клятвенно обещаю на смертном одре разорвать эту штуковину

на куски. – Он указал на мундштук и, продолжая пародировать книжного агента, спросил: – Вы довольны, мой дорогой друг?

Все, кроме Кирая, рассмеялись. Да фотограф сидел, все так же погруженный в какие-то размышления, и на его худом, бледном лице по-прежнему проступал румянец.

Дюрица закурил. Сонливость как будто пропала с его лица. Взгляд, однако, оставался ленивым, как и движения, что стало заметно, когда он подался вперед. Не приглашая других, он осушил свой стакан, не спеша поставил его на стол и обратился к столяру:

– Итак... Что я обо всем этом думаю? Вы об этом хотели спросить, сударь мой?

– Да, да, – с готовностью кивнул Ковач.

– Я думаю, было бы неплохо, если бы дружище Бела подал нам еще вина. Лично я хотел бы закончить вечер, как обычно, вином с содовой – большим шприццером, если дружище Бела ничего не имеет против.

Дружище Бела поднялся. Собрал пустые стаканы и выжидающе посмотрел на фотографа, у которого оставалось еще немного вина на доньшке.

– Так у вас, значит, будет сегодня отменный ужин, господин Кирай, – сказал столяр, отгоняя от себя дым «Дарлинга». – Только вы не закончили о том, как будете готовить грудинку. Сами готовите или жена?

– Разумеется, готовлю я, в точности так, как я начал рас-

сказывать. Стало быть, когда шпиговка закончена, мы берем некоторое нужное количество начинки, ибо мы ведь готовим фаршированную грудинку. Точнее, сперва нам нужно начинку сию приготовить.

Фотограф накрыл свой стакан ладонью:

– Благодарствую. Вы были очень любезны, пригласив меня к вашему столу, но я, пожалуй, пойду, только вот докурю сигарету. Право, мне было очень приятно.

– Не стоит благодарности, – сказал дружище Бела и, потерев затекшие ноги, направился к стойке – приготовить традиционный большой шпритцер для всей компании.

Читатель уже, видимо, догадался, что, несмотря на учтивые обращения вроде «господин Ковач», «сударь», «мой дорогой друг», несмотря на частые и разнообразные формулы вежливости, как то «с вашего позволения», «хотелось бы обратиться ваше внимание» и так далее, – словом, несмотря на все это, перед нами компания, где все давным-давно знакомы. А зная психологию людей того склада, о которых рассказывается в нашей истории, зная привычки их и капризы, мы можем понять, что за их поведением на самом деле скрываются компанейский дух, любовь и взаимное уважение. Подобный стиль, со всеми его банальностями, для постороннего уха, может быть, смехотворными, в определенном общественном слое абсолютно обычен. Если бы нам представился случай сопровождать Кирая во время визита к его другу, столяру Ковачу, мы могли бы услышать, как он приветствует хо-

зайку дома: «О-о, целую ручки, милостивая сударыня, позвольте мне приложиться к вашей прелестной лапке!» На что женщина в ответ: «Ах, господин Кирай! Легки на помине! Какое счастье вас видеть!» И самое интересное, что все эти словеса произносятся полушутливым тоном. Из чего можно сделать вывод, что мы имеем дело не с чем иным, как с целомудренным и вместе ироническим подражанием «диктуемой свыше» культурной норме. Причем поведение это столь обязательно, что пренебрегать им или просто не владеть его формами – значит носить на себе нестираемое клеймо чужака. Все это мы отметили для того лишь, чтобы укрепить читателя в том уже, несомненно, сложившемся по ходу повествования мнении, что перед ним – достойные горожане, исполненные взаимного уважения и готовые делиться друг с другом своими радостями и бедами, того рода люди, с какими читатель имел возможность и счастье познакомиться в бесчисленных литературных творениях. Но можно ли сказать о каком-либо человеке, что мы знаем его досконально? И, раз уж заговорили, добавим: пожалуй, не существует людей менее свободных и более связанных по рукам и ногам, чем писатель. Он не может идти на уступки в вопросах правдивости, не рискуя изменить самому себе. И если мы будем и дальше следить за беседой нескольких человек, как следили до этого, то целью нашей будет все та же (как выяснится в конце – совершенно необходимая) правда жизни.

– Так вот, приготовление начинки – дело столь же важное,

как и шпиговка, – продолжал книжный агент. – Не знаю, как там другие – ведь сколько домов, столько обычаев, – а я поступаю так: первым делом беру белый хлеб, яйца, жир, зеленушку-петрушку и все такое, но самое главное – дальше. Попробуйте как-нибудь, господин Ковач. Дальше берем зимнюю салями, мелко нарезаем, но совсем-совсем мелко, чуть ли не растираем ее. Понимаете? Зимнюю салями. Именно так, как я говорю. Вам и в голову такое не приходило, не так ли?

Тем временем к столу вернулся изготовивший шпритцер трактирщик и, усаживаясь, подтолкнул столяра локтем.

– А чеснока уважаемый господин добавил? – кивнул он в сторону Кирая.

– Добавил, дружище, как же без чеснока. Даже больше, чем вы полагаете.

– Ну зачем же больше? Нужно класть ровно столько, сколько необходимо. Верно, господин Ковач?

– А я от души положил, лишь бы вам угодить, господин разумник.

Ковач обратился к хозяину трактира:

– Вы салями кладете в начинку?

– Вы что, шутите?

– А я, представьте, кладу. Как вам это? – спросил книжный агент. – Вам не нравится?

– А конской колбаски грешным делом не добавляете? Или зельца? А может быть, камамбера?

– Не добавляю. А вот мелко нарезанную, измельченную салями кладу. Вы знаете, как это вкусно? Пробовали когда-нибудь? Если нет, то надо не возражать, мой дорогой друг, а ценить советы более искушенных людей.

– Так что вы делаете с камамбером?

– Он говорил о салями, – вмешался Ковач.

– Ах да... Ну тогда с салями?

– Измельчив, кладу в начинку. Разминаю вместе с белым хлебом и вареным яйцом. Понимаете?

– Оно, может, не так уж и плохо, – заметил Ковач.

Швунг потянулся за стаканом, и взгляд его упал на Дюрицу.

– Нет, вы полюбуйтесь! – вскричал он, ставя стакан обратно на стол. – Вы полюбуйтесь на этого... на этого...

Часовщик покачивался, откинувшись на спинку стула, щурил глаза и смеялся.

– Чему вы радуетесь опять? – спросил книжный агент. – Ангела увидели или другое что нашло? У вас мог бы сам сатана поучиться, если бы увидел теперь вашу физиономию. Что вы ухмыляетесь, скажите на милость?

Дюрица, покачавшись на стуле, спросил:

– А что, нельзя?

– Почему же нельзя. Даже четвероногие могут радоваться, я видел... Висели на решетке и радовались собственным хвостам!

– А вы стояли рядом и наслаждались зрелищем, потому

что на более серьезное дело у вас ума не хватает.

Качнувшись на стуле вперед, он продолжал:

– Впрочем, если вам так уж интересно, могу сказать: мне пришло кое-что на ум, вот я и обрадовался. К вам это тоже имеет некоторое отношение. Ответьте мне на вопрос: что вам больше нравится – топинамбур или фаршированная телятина?

Фотограф хотел было подняться и уже положил ладони на край стола, но Дюрица остановил его:

– Прошу вас, останьтесь еще ненадолго.

Он жестом остановил его, после чего удивленный фотограф вновь опустился на место.

– Останьтесь, я вас не задержу, – повторил часовщик и снова обратился к Швунгу:

– Я сказал «топинамбур». Вам известно, что это такое?

Книжный агент недоверчиво посмотрел на него, потом на других и недоуменно пожал плечами.

– Топинамбур? – заговорил столяр. – Это такие клубни, навроде картофеля. Вы не знали, господин Кирай?

– Что значит «не знал»? Вы думаете, только вы знаете?

– Я спросил, – настаивал Дюрица, – что вы любите больше: топинамбур или фаршированную телятину?

– Вы лучше с малолетками развлекайтесь, – осклабился книжный агент.

– Так все же, что вы любите больше?

– Ну вот что, – передернул Кирай плечами, – этот овощ

я оставляю вам.

– Так значит, телятину?

– Ну допустим, телятину! Теперь вы довольны?

Дюрица строго посмотрел на него:

– Только серьезно, прошу вас.

– Да скажите ему: мол, больше всего телячью грудинку люблю, – подсказал трактирщик.

– Телячью грудинку, – на этот раз искренне признался книжный агент и растерянно посмотрел на серьезное лицо часовщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.